

Валерий Григорьевич МАЗМАНЯН

родился в 1953 году в семье военнослужащего.

Окончил Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков.

Работает в системе народного образования.

Автор книги «Не спросишь серых журавлей».

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Валерий
МАЗМАНЯН**

г. Москва

«Налепит ветер белых птиц...»

* * *

Весной февральский воздух пахнет,
повсюду небо без границ,
проснулся рано кустик чахлый
и учит теньканье синиц.

Звенит капель, что южный ветер —
сегодня долгожданный гость,
и этот мир увидеть в цвете
седым сугробам довелось.

Ты говоришь мне — раньше срока
тепло и будут холода,
а я — что твой красивый локон
запомнит талая вода.

Мои слова тебя смешат,
хохочешь — будь немного проще...
и ждёт хорошего душа,
как ждут грачей пустые рощи.

* * *

Опавшие листья — вся память весны,
метели оставят нам белые сны,
спешим, суедемся и время торопим,
цветами на яблонях снежные хлопья.

Берёзы осеннюю медь берегут,
а летопись зим — вязь следов на снегу,
прошу, улыбнись — и забудем плохое,
как празднично в доме от запаха хвои.

* * *

Ветла проводит битый лёд,
клин журавлиный встретим мы,
и белой бабочкой вспорхнёт
с весенних трав душа зимы.

Костистый тополь на плечах
поднимет солнышко в зенит,
и в такт мелодии ручья
ольха серёжкой зазвенит.

В дремоте чуткой тихий лес,
февраль — не время птичьих гнёзд,
но обещание чудес
таит молчание берёз.

И пусть сегодня нелегко
заполнить пустоту страниц...
для нас с тобой из облаков
налепит ветер белых птиц.

Клубками — сугробы и прячут носы,
луна мандарином на клёне висит,
присядешь поближе, обнимешь руками...
и вспомнят снежинки себя мотыльками.

* * *

Проснулся ветер и задул
 заката тлеющий костёр,
 и бросил в рябь воды звезду —
 кувшинкой пусть в пруду растёт.

Где серебром звенят ручьи,
 газон — закованный в бетон —
 затеплит для тебя в ночи
 свечой тюльпановый бутон.

Ты тишине ночной поверь,
 что в этом таинство весны —
 мы сами открываем дверь
 всем, кто приходит в наши сны.

И, перед тем как поздно лечь,
 забудь февраль и снег больной...
 приснится нам — свидетель встреч —
 клён, поцелованный луной.

* * *

Ветла грустила о былом,
 дремала тёмная вода,
 метнулась чайка и крылом
 разбила зеркало пруда.

Затеял рой стрекоз игру,
 и ласточка грозу звала,
 и ты шептала — не к добру,
 к печали бьются зеркала.

И свет дневной во мгле пропал,
 и росчерк птичьего крыла.
 Петляя, нас с тобой тропа
 по судьбам разным развела.

Мы друг от друга далеки...
 а там, где встретили весну,
 сидят на зорьке рыбаки
 и ловят звёзды на блесну.

* * *

Клён чернее стал и суше —
 в зиму не нажил добра,
 на печали ловит душу
 серый сумрак декабря.

Я молчу — на прядях иней,
 жизнь не балует порой,
 и луна уже не снимет
 маску бедного Пьеро.

И вся суть банальных истин:
 что дала судьба — бери,
 медный голос палых листьев
 помнят ветры-звонари.

Как ни хмурь сегодня брови,
 зимы, вёсны — всё не зря...
 на печали душу ловит
 серый сумрак декабря.

* * *

Разбудят ветер две синицы —
 закружит майских вишен цвет,
 не седины душа боится,
 а памяти ушедших лет.

Пух тополей — метелью белой,
 пройдем и это, не впервой,
 и ляжет то, что отболело,
 на зорьке скошенной травой.

Дождь пошумел листвою и выпил
 всю синеву одним глотком,
 к чему стенания и всхлипы —
 кто говорил, что жить легко.

Багряным пламенем тюльпаны
 горят у окон поутру...
 и живы мы, и не пропали,
 и устояли на ветру.